

В программе «Совершенно секретно» несколько недель демонстрировался телесериал с ведущего А. Боровина. Мы публикуем заметки об этом фильме нашего постоянного автора — адвоката Ю. Иванова, защищавшего по «делу ГКЧП» В. А. Крючкова, а сегодня являющегося членом фракции коммунистов в Госдуме РФ.

В эту субботу мы стали зрителями последней, третьей, серии телепередачи Артема Боровика, в которой он на основе полученных им, по его выражению, «секретных записей» порассуждал об августовских событиях 1991 г. Для чего был выпущен в свет весь сериал, понятно. После оправдательного приговора Варенникову власть оказалась в глупом положении. Три года, кормящиеся от этой власти телехолуи создавали миф о героической борьбе тогда, в августе, демократов против зловонных консерваторов-«путчистов». Но на поверку, после судебного разбирательства, рядовой россиянин может сделать лишь один вывод. «Гэкачеписты» были и умнее (видели, что произойдет со страной и в какую бездну ее тащат демократы — фактически все прогнозы сбылись), и гуманнее (если сравнивать их действия с действиями Ельцина и его окружения, устроивших через два года кровавую бойню), и, наконец, просто порядочнее. Ведь не смолчали, не пригнулись — выступили. А могли бы легко встроиться в «катастрофику», используя свои служебные права, создать «под себя» коммерческие структуры и набивать карманы, что сейчас и делают иные их бывшие коллеги по союзному руководству.

Нынешнему режиму очень хочется обгадить Крючкова и его товарищей прежде всего в нравственном плане. Для реализации этой цели и привлекаются представители сегодняшней идеологической obsługi режима. Одним из типичных ее представителей и является, с моей точки зрения, Артем Боровик с его программой «Совершенно секретно».

Для создания фильма у него были все условия — получил он даже видеозаписи допросов, причем не только обвиняемых, но и свидетелей, что, по всей вероятности, без личного указания сегодняшнего и. о. Генерального прокурора Илюшенко было бы невозможно.

Уверен, что согласия на демонстрацию кадров допросов у лиц-свидетелей, да и самих следователей, проводивших допросы, не спрашивали. Ну что же, в какой-то мере это и неплохо. Допрашиваемые по политическим делам свидетели должны теперь ясно знать, что их показания могут демонстрироваться по телевидению с любыми целями. Надо отметить, что ни обвиняемые, ни свидетели ничем себя в продемонстрированных фрагментах, не уронили. К примеру, из первого августовского допроса Крючкова телезритель может четко увидеть, что те его показания полностью соответствуют более поздним, судебным. Ни одного противоречия. Тем смешнее вы-

глядит А. Боровик, когда торжествующим тоном вдруг объявляет: смотрите, вот, что они говорили раньше; теперь говорят другое!

По такому принципу сделан весь фильм. Фрагменты демонстрируемых допросов совершенно не соответствуют комментаторским утверждениям. Такое впечатление, что телезрителей принимают за идиотов — они должны верить не тому, что видят, а комментариям ведущего.

Заметьте: в продемонстрированных показаниях Крюч-

кова, вообще ни разу не называется фамилия Ельцина, Боровик же дважды «ни к селу ни к городу» заявляет: «Крючков судорожно обдумывал, как арестовать Ельцина», и через несколько минут вновь: «Крючков поручил осуществить арест Ельцина».

Вообще тема «попытки ареста Ельцина в августе 1991 г. обыгрывалась демократами постоянно. Уж больно хотелось им героизировать своего лидера. Бедняги-следователи с ног сбились, не зная, как раздобыть ну хоть что-то в подтверждение этого тезиса. Когда же выяснилась полная бесплодность этих попыток, надо было как-то выйти из положения. Выход подыскали довольно корявый. В описательную часть обвинительного заключения внесли хилую строчку о том, что «17.08.91 г. Крючков поставил задачу Расщепову в координации с Министерством обороны подготовить операцию по задержанию президента Ельцина на случай отказа того поддержать меры чрезвычайного характера».

Но в главной, резолютивной части обвинительного заключения Крючкову об этой задаче «задержания» не было ни слова. Дать возможность защитить помуссировать благодатную для нее тему, как и все другое, связанное с Ельциным, обвинение не хотело. Кроме того, делалось все, чтобы исклочить публичный допрос свидетеля Ельцина перед телекамерами.

О попытке «ареста» Ельцина в те дни приумолкла даже бабушка демократического экстаза Б. Куркова.

И вот надуманный агитмент «из-под глыб» вытаскивает А. Боровик. Из множества допросов выхватывается один — Расщепова, а утверждения последнего о том, что разговор с Крючковым шел об обеспечении безопасности встречи руководства союзных структур с Ельциным (такая встреча первоначально намечалась) транс-

Сов. Россия - 1994 - 20 сев. - с. 4.

формируются Боровиком все в тот же пресловутый «арест».

Хочу еще раз успокоить «фанов» Бориса Николаевича — никто их божество — лучшего друга теннисистов, шаманов и капельдинеров — в августе 1991 г. трогать не собирался. Больше того, чтобы окончательно прояснить ситуацию, возьму на себя смелость, без санкции на это В. Крючкова, открыть один маленький, до сих пор не сообщавшийся факт. Один из его сотрудников 18.08.91 г. предлагал: «Разрешите я отведу Бориса в подмосковный санаторий «Завидово». Выделите только средства на пару ящиков!» Однако Владимир Александрович это предложе-

ние отверг. Так что максимум, о чем пришлось бы вести разговор в суде в случае вменения эпизода с «арестом», так это о невыделенных «средствах на два ящика»...

Во второй серии Боровик обсасывает еще один, «пахнущий нафталином» вопрос — «о списках» демократов, которые составлялись по указанию Крючкова. Вспомним, как гуляли на страницах демгазет рассказы по этому поводу. Первоначально эти «списки» именовались «списками на расстрел», потом как «списки на арест» и, наконец, совсем невразумительно — «списки на интернирование». У демократического актива прямо зуд стоял — каждый хотел задним числом обязательно попасть в этот список, причем особая толкотня шла за попадание в первую десятку. И опять-таки следствие было поставлено в трудное положение. Лидеры государства заявили о «списке на арест», а его никто не видел. Крючков же и подавляющее большинство его подчиненных говорили лишь о списке на профилактические беседы с некоторыми лицами, которые могли лично или «из-за угла» призывать к кровопролитию. По сути же ничего так и не вызвали, а задержали на несколько часов всего троих.

В этой связи совсем анекдотичен «эпизод задержания», показанный Боровиком. Сотруднику КГБ на допросе задают вопрос — какое он имел право задерживать Уражцева, ведь нарушалась депутатская неприкосновенность последнего. «Ай да Боровик! То ли у него с головой плохо, то ли на нас работает! — сказал мне один из моих товарищей, с которым мы вместе смотрели передачу. — Это же надо — вытаскивать вопрос про депутатскую неприкосновенность!» Действительно, у грамотного телезрителя просто обязана была возникнуть мысль о том, что как раз по «делу ГКЧП» полтора года со-

держались в застенках без надлежащего согласия депутаты Варенников, Бакланов и другие. Ну а Уражцеву должно было икаться в этот момент — может, А. Боровик представит ему возможность рассказать, как обходились ельцинисты с «депутатской неприкосновенностью» в октябре 1993 г. — я имею в виду дубинки ОМОНа, через которые Уражцев — человек по-настоящему смелый, пробивался к зданию Верховного Совета в те дни...

Слушая Боровика, не понимаешь временами — лжет он умышленно или, так сказать, по профнегодности. Скорее всего, его вдохновляет на это сознание полной неуязвимости. За вранье в пользу режи-

ма этот режим от эфира его никогда не odstranit. Ну а у Крючкова просто физически нет времени, чтобы бегать по судам с исками за каждым обоглавшим его в эти годы борзописцем.

И вот, походя, Боровик «вбрасывает» еще одну придумку — Крючков, оказывается, согласился на видеосъемку своего первого допроса только потому, что ему пообещали показать эту запись Горбачеву.

Хороши же были руководители следствия — носили кассеты на просмотр самому заинтересованному по делу лицу. Так, может, именно Горби как «лучший немец» и запродал кассеты «Шпигелю». Кстати, по части коммерции, к примеру, продажи своих опусов Западу бывший президент СССР уступает лишь своему старому другу-сопернику — президенту России.

Один из руководителей следствия, т. е. тот, кому, по мнению многих, Крючков, Варенников, Лукьянов и другие обязаны полторагодовым пребыванием в застенках, г-н Фролов тоже поучаствовал в передаче. Очень возмущался, что после утечки информации за кордон ельцинские службы безопасности стали его прослушивать. Хотя как раз это естественно: почему для него должны были делать исключение, если он также имел доступ к кассетам, а значит, подлежал включению в круг возможных подозреваемых. А основное его утверждение сводилось к тому, что, скорее всего, видеозаписи передал кто-то «сверху», куда таскались кассеты. Полностью с этим соглашусь, подчеркну лишь, что эту очевидную истину адвокаты «единодушно высказывали» сразу по возникновении скандала, а не сейчас, в сентябре 1994 г. Любопытнее в его утверждениях другое. Адресатом, которому носили кассеты, был, оказывается, «...определенный круг(?) в Верховном Совете». Надо так понимать, что

именно этот пресловутый Верховный Совет и «наварил» денюжат, запродав кассеты «Шпигелю». Мысли о том, что это могли сделать лица из ближнего окружения Горбачева и Ельцина (где было немало любителей понаслаждаться видеодопросами узников «Матросской Тишины»), г-н Фролов, судя по всему, не допускает. Ну что же, молодец, умеет строить версии. На радость правящему режиму по этой версии еще раз можно пнуть уже и так расстрелянный Верховный Совет. Фролов! Ждите хорошего назначения!

Итак по Боровику, Крючков первоначально согласился на видеосъемку допроса, а потом категорически отка-

зывался от аналогичных съемок. Напомню, что следовательно решение об осуществлении видеозаписи принимает самостоятельно, не спрашивая об этом обвиняемого. А если последний откажется от участия в таком допросе, то в протоколе делается соответствующая отметка. В нашем случае ничего подобного не было. Свидетельствую — с первого дня нашей встречи (с 29.08.91 г.) — Крючков никогда не отказывался от участия в допросах в любой их форме, равно как никогда не отказывался отвечать на вопросы. Больше того, он сам просил о видеосъемке, причем письменно. Но именно с ним больше ни разу не было проведено видеосъемок. И понятно почему. Он занял, по моему мнению, наиболее принципиальную политическую позицию, что выразилось прежде всего в том, что первым из арестованных заговорил не только о роли Горбачева, но и Ельцина. Сошлось хотя бы на его известное открытое письмо Ельцину, полное политических обвинений главному разрушителю нашей Родины. Видеосъемки «вставшего в полный рост» обвиняемого — коммуниста, не изменившего своим идеалам, режиму, были не нужны. Понимая это, прекратили всякие очные ставки (это могло бы оказать психологическое воздействие на других участников). А сегодня, с помощью боровиков, создают новую ложь.

В телесериале приняли участие, кроме Боровика, и еще несколько комментаторов совершенно определенного плана. Что-то суетливо доказывал Горбачев, с которым все уже давно ясно. Здесь же его то-ли бывшие, то-ли нынешние советники — известные партийные перевертыши Черняев и Ладис. Последний вообще нес какую-то околесицу, смысл которой заключался в том, что Степанков и Лисов «играли на руку защите». Каким образом? Да, они, видите ли, умышленно допустили «необоснованный вы-

бор статьи обвинения» (?). Так и хотелось сказать этому знатоку уголовного права словами известной песенки: Где ты раньше был, целовался с кем? Тебе бы с этим тезисом выступить в 1991-м или хотя бы в 1992 г. Коммунисты тогда бы тебя не Иудой называли, а на Манежной площади в Президиум избрали бы...

Кроме упомянутых в передаче, появилась и еще одна фигура — Кирилл Столяров. Он был одним из немногих избранных, кому Степанков разрешил, в свое время, проходить в «Матросскую Тишину» к ее узникам. Помню, как с ним предложили встретиться Крючкову. «Не возражаю», — сказал Владимир

Александрович. — Давайте сюда вашего парнишу, побеседуем... Но «в обмен» прошу на полчасика пропустить ко мне любого из журналистов «Советской России». После этого встречного предложения встретиться со Столяровым Крючкову больше не предлагали. Ну а об уровне этого писателя лучше всего судить по его прозвучавшим с экрана рассуждениям. Из них следовало, что «гэкачеписты» должны поклониться в ножки руководителям Генпрокуратуры за то, что последние не посадили их в камеры, в которых «опускают» (именно этот термин употребил писатель).

Впрочем, именно подобные перлы соответствуют mentalности самого режиссера. С каким смаком рассказывает он о том, что путчисты содержались в привилегированном изоляторе, где, оказывается, комплектов белья выдавали больше, чем в других аналогичных учреждениях. Отсюда телезритель, по замыслу ведущего, наверное, должен сделать вывод — «не жизнь, а малина» была у арестованных. Только вот как быть с тем, что через полтора года пребывания в этой «малине» Крючкова официально вынуждены были признать инвалидом II группы. Но с детства хорошо упитанный мальчик Боровик далек от вопросов пребывания в изоляторах и сопутствующих им заблуждений... так что не будем метать перед ним бисер.

Ну а лучше всего ведущего характеризует еще один маленький эпизодик из разбираемого фильма. Показывается Руцкой, который позволял Боровику снять себя, как это видно, в своей квартире. Так вот. Боровик не преминул вернуть, что в его присутствии бывший вице-президент у себя на кухне ругался чуть-ли не матом на своего попутца, а также, какой кошмар, на президента России Ельцина.

Бываю я у Руцкого неред-

ко и, действительно, на кухне у него сидит в клетке попуай — любитель побраниться. Считаю, что держать таких попуаев можно. Но нельзя пускать к себе в дом боровиков. Они, будучи в гостях, ведут себя ниже травы, но как только выйдут за двери тут же будут рассказывать, что видели на кухне. Поэтому лучше с этой публикой за один стол не садиться и дальше прикожей не пускать...

И в заключение небольшое отступление.

Передача «Совершенно секретно», которую ведет А. Боровик, имеет свое лицо, выражающееся, прежде всего, в том, что оппозиции в нее путь закрыт. Постоянные герои А. Боровика — люди из проельцинской команды, бывшие перебежчики на Запад, предатели из КГБ. Общее у них одно — зоологический антикоммунизм и прозападное холуйство.

Глядя на ведущего, я всегда вспоминаю его отца — Генриха Боровика. — международника из «Огюль» и «Девятой студии». Достаточно нудный, с преувеличенным представлением о собственной значительности, и с безразличным выражением лица, папа Артема был одним из наиболее рьяных адептов коммунистической идеологии. Часами вещал он нам о преимуществах социалистического строя, гниющем Западе или разумности введения в Афганистан «ограниченного контингента». Попутно кропал киносценарии и другие литературные «шедевры», за которые исправно получал премии.

И вот теперь на арене свою «студию» имеет на телевидении его отпрыск. Только глаголет он совсем противоположное — о безобразиях старой номенклатуры (классическим представителем которой и был его отец). Ее идеологической лжи, торжестве и справедливости западных общечеловеческих принципов... Когда я его вижу, у меня постоянно возникает вопрос: как эта родственная парочка общается между собой, о чем говорят, когда бывают вместе? И как папа — идеологический генерал КПСС, ежедневно воспитывавший на экране народ и одновременно воспитывая сына, который сегодня в каждой своей передаче топчет святую партию, членом которой был отец? Что там происходит с их совестью? Впрочем, я наверное, усложняю. И папа, и сын одного поля ягода, и подобные сантименты вряд ли их волнуют.

На пульте управления идеологическим оружием они всегда готовы заменить друг друга. Папа «палил» за «красных по белым». Сынок — наоборот. При этом спорил молчать ним за исключением лабораторных не возникает — главное, чтобы кто-то из семьи всегда был наверху. Там ведь корм особенно хорош...